

Будущее Российской Арктики – система культур или сумма технологий?

Л.С. Богословская

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва Минкультуры РФ

Рассмотрены два направления в развитии Российской Арктики и её коренного населения. Первое – динамичное развитие традиционных сообществ людей, живущих «внутри» экосистем и стремящихся сохранять исходный уровень биологического разнообразия и продуктивности своих культурных ландшафтов. Второе – промышленное освоение природных ресурсов Арктики, ведущееся вахтовым методом в «ненормально короткие» сроки, не совместимые с адаптивными возможностями биоты и сообществ коренного населения. К сожалению, именно это направление, то есть увеличение «суммы технологий», является на сегодня государственной стратегией развития Российской Арктики.

Ключевые слова: Российская Арктика, коренное население, культурные ландшафты, традиционные культуры, экосистемы, промышленное освоение.

The future of the Russian Arctic: a system of cultures or a sum total of technologies?

L. S. Bogoslovskaya

D.S. Likhachev Research Institute of Cultural and Natural Heritage,
RF Ministry of Culture

Two trends in the development of the Russian Arctic and its indigenous population are considered. One is a dynamic development of traditional human communities living «inside» ecosystems and striving to retain their numbers and the original level of biological diversity and productivity of their cultural landscapes. The other is industrial development of natural resources of the Arctic by the rotational team method within «abnormally short» periods, incompatible with the adaptive potential of the biota and the human indigenous communities. Unfortunately, it is the latter trend, i.e., an increase in the sum total of technologies is the actual strategy of the development of the Russian Arctic.

Key words: The Russian Arctic, indigenous population, cultural landscapes, traditional cultures, ecosystems, industrial development.

Север (Арктика и Субарктика) всё яснее осознается человечеством как один из последних регионов планеты, в котором доля природных сообществ, не затронутых или мало освоенных людьми, еще высока. Если раньше проблема охраны природы понималась как сохранение отдельных видов животных и растений, а проблема охраны культурного наследия как

сохранение отдельных памятников истории и культуры, то сейчас очевидна необходимость сохранения целостных участков биосферы с живущим в них населением, то есть блоков ноосферы. Это положение особенно актуально для Арктики, где системные связи человека и природы находятся в постоянном напряжении.

В 1996 г. была опубликована книга «Российская Арктика: на пороге катастрофы» [14]; спустя восемнадцать лет с грустью можно говорить – наша Арктика, к сожалению, уже переступила порог и всё дальше уходит от точки невозврата. По мнению автора данной статьи, этот процесс обусловлен, прежде всего, заменой пространственно динамичных, но медленных во времени («спокойных») традиционных культур коренного населения Арктики на пространственно статичные, но чрезвычайно скоростные ресурсодобывающие технологии, представляющие лишь части культуры доминирующего постиндустриального общества, причём части, экологически самые «грязные».

Традиционные культуры Арктики и Севера в целом – это опыт адаптации человеческих коллективов к экстремальной природной среде, древний, успешный и принципиально иной, чем опыт европейской цивилизации последних веков. Тонкий знаток внутреннего мира коренных народов, ханты Леонтий Тарагупта [18], так определяет различие между «северной» и «западной» культурами:

*«Первый наш закон – абсолютное неприятие статики. Любое называние, присвоение имени – это уже статика, это уже убивает наш дух, наши знания. Сам факт закрепления какого-то уровня знаний в соотношении с характером духовной жизни северянина сразу делает их вчерашними. А европейская традиция, ведь, какая – потом, опираясь на эти знания, власти будут прогнозировать нашу экономику, социальное развитие, программировать наш путь мировоззренческий. А это уже – отставший момент, как оставшаяся позади железнодорожная станция. Как она может проектировать конечный путь? Она уже превратилась в статику. Потому что духовная жизнь – она сегодняшняя и постоянно меняющаяся. Статика нашими народами вообще не признается. **И вот эта красивая концепция о единстве мира и умении слияния с природой – тоже статика. Самое важное для нас – не знание о единстве мира, а умение войти в это единство мира и умение выйти из него».***

1. Коренное население Российской Арктики

Более 30 тыс. лет назад Арктику начали осваивать древние народы, чьи потомки и теперь живут в столь экстремальных природных условиях. В России Арктика стала родиной и для больших по численности народов – *карелов, коми, русских и якутов*, которые сформировали свои полярные сообщества (субэтноты, популяции, этнотерриториальные группы, общины). Разные по происхождению народы веками активно взаимодействовали между собой, и сейчас в Арктике традиционный образ жизни ведут три основные группы коренных жителей, или

«малочисленные этнические общности». Это название приведено в соответствии с Конституцией РФ (статья 72, часть 1., пункт «м»).

1-ая группа. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока являются потомками древних народов-первопоселенцев Арктики, охотников, рыболовов и собирателей. Они принадлежат к особым этносам планеты, их называют по-разному, – аборигенные народы, Первые нации, а в России – *коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ*. Далее мы будем называть их *коренные народы Севера*, или просто *коренные народы*. В Российской Арктике живут 12 таких коренных народов – *саами, ненцы, ханты* (полярные популяции), *селькупы, энцы, нганасаны, долганы, эвенки* (полярные популяции), *эвены* (полярные популяции), *юкагиры, чукчи, эскимосы*. Оленеводство, появившееся у ряда народов позднее охоты, рыболовства и собирательства, включает в себя эти способы природопользования в качестве обязательных компонентов.

Коренные народы Арктики отличаются от других народов мира по многим антропологическим, физиологическим и биохимическим показателям [1; 9; 10, 12 и др.; 21; и др.]. Традиционные культуры, созданные этой группой, по словам С.А. Арутюнова, являются «памятниками больших человеческих усилий в почти нечеловеческих условиях» [2, с.12].

Для защиты прав и законных интересов всех коренных малочисленных народов России «в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации» в Конституции РФ существует статья 69, однако она не имеет реальной правоприменительной практики.

2-ая группа. Этнические группы (нередко метисные) больших по численности народов Севера и Сибири, которые ведут традиционный образ жизни предков, самобытный у всех групп. Это *поморы (русские и карелы) и коми* Севера Европейской части России, *коми* Зауралья и арктические группы *якутов*. В составе каждого большого народа существуют несколько таких групп численностью менее 30 тыс. человек, и они имеют право быть отнесёнными к «малочисленным этническим общностям».

3-ья группа. Старожильческое русское (как правило, метисное) сельское население Сибири и Дальнего Востока: *обские старожилы* и другие русскоговорящие группы Западной Сибири, *усть-енисейцы, затундренные крестьяне, ленские старожилы, якутяне, якутские казаки, индигирцики, колымчане, марковцы* и другие. Охота, рыболовство и собирательство входят в традиционные системы жизнеобеспечения, культурные традиции и духовную практику этих небольших сообществ, также относящихся к «малочисленным этническим общностям». Третья группа исторически самая молодая, она формировалась постепенно со второй половины XVI в., когда Российское государство начало активно осваивать Сибирь и Дальний Восток.

Представители всех трёх групп образуют *коренное население* Арктики и Севера в целом. Далее мы будем также называть их *традиционными группами*.

На протяжении многих веков происходило смешение национальных культур коренного населения, вплоть до заимствования традиционных способов природопользования, от орудий производства и технологий до целых систем жизнеобеспечения. В результате наряду с древними культурами возник обширный спектр культур смешанного типа; культурное взаимопроникновение продолжается и в наши дни.

Три группы полярного сельского населения России, по экспертным оценкам составлявшие 120–130 тыс. человек до второй половины XX века, практически не защищены от негативных последствий современного промышленного освоения своих территорий. Если соответствующие права коренных народов Севера хотя бы прописаны «на бумаге» (ст. 69 Конституции РФ, ряд федеральных и региональных правовых актов), то две остальные группы как таковые не учитываются в национальном законодательстве, обычно их считают несущественным «приложением» к коренным народам. Федеральные органы исполнительной власти вообще не склонны принимать во внимание вторую и третью группы – отсутствуют утверждённые списки, численность и карты расселения таких сообществ.

2. Традиционное природопользование, локальные культуры и культурные ландшафты

Единственной формой и условием существования культур коренного населения Арктики и всего Севера были и остаются традиционные способы природопользования. Именно они обеспечивают сохранение и воспроизводство этнической самобытности, действие механизмов культурной преемственности и стабильность этнолингвистической ситуации в каждой из групп [4]. Важно подчеркнуть, что традиционные способы природопользования осуществляются как образ жизни северных сообществ, а не как отрасли современного сельского хозяйства.

Любая национальная культура, большая или малая, всегда неоднородна, всегда представлена несколькими вариантами – *локальными, или местными, культурами*. Социальным выражением локальных культур являются общины (семейные, родовые, территориально-соседские) и их объединения, формировавшиеся на основе географической близости, сходства традиций природопользования, духовной организации, обычаев и родственных связей.

Пространственное воплощение локальных культур представляют культурные ландшафты – освоенные людьми территории вместе с их флорой и фауной. Культурные ландшафты соединяют в себе, с одной стороны, традиционные схемы расселения и хозяйственного использования территорий, иначе говоря, схемы размещения производительных сил, с другой, – системы материальных объектов, связанных с хозяйственной практикой, исторической, культурной и духовной памятью народов [5; 16; и др.]. Традиционные схемы расселения способствуют наилучшей пространственной организации дробной и сложной внутриэтнической структуры северных народов и популяций, предохраняя генофонды

небольших по численности сообществ от оскудения и вырождения на протяжении веков и тысячелетий.

Именно культурные ландшафты понимаются коренными северянами как *«свои земли»*. При всех кочёвках, странствиях и вынужденных переселениях люди особо ценят возможность рано или поздно вернуться на них, а невозможность возвращения лишает жизнь этих людей духовной основы. Вот почему ликвидация маленьких "неперспективных посёлков" и разрушение традиционных схем расселения, начавшиеся в советский период и продолжающиеся в наши дни, нанесли непоправимый удар по самой сердцевине существования коренных жителей Арктики.

Можно полагать, что для всех традиционных групп сельского населения Севера *«свои земли»*, или культурные ландшафты, состоят из следующих компонентов.

а) Земля родного селения, где родился и вырос человек (в современной законодательной системе – категория «земли поселений»). Эта земля обеспечивает кровнородственные, социальные и этнокультурные связи с сородичами, предками и будущими поколениями, что дает возможность осуществления во всей полноте процессам генетической и культурной преемственности.

б) Земли, где захоронены предки и где рассчитывают быть похороненными ныне живущие (современные категории «земли поселений» и «историко-культурные земли»);

в) Священные места: территории, водные пространства и другие природные объекты, часто отмеченные особыми ритуальными сооружениями, (современная категория «историко-культурные земли») — важнейшие материальные объекты духовной культуры каждой «малочисленной этнической общности» Арктики. *Такие места создают и оберегают связи между людьми и природой в образах предков и духов-хозяев культурных ландшафтов.* Знания о священных местах у ряда народов являются эзотерическими и составляют важнейшую часть так называемой «культуры молчания».

г) Заповедные земли и водные пространства (современная категория «особо охраняемые природные территории») – обеспечивают сохранение природной среды и традиций взаимоотношения людей и природы.

д) Охотничьи угодья, рыбопромысловые участки, олени пастбища, маршруты кочёвок, традиционные транспортные пути, резервные земли также входят в понятие *свои земли*. На первый взгляд, отношения коренных жителей по поводу этих земель ближе всего к современным имущественным отношениям. Однако коренные северяне не знали принципа частной собственности на землю, промысловые угодья, как и на любые другие виды природных ресурсов.

Закрепление подобных территорий за родом или семьей имело скорее характер *общественного договора, традиции*. Более того, у поморов существовала ротация промысловых угодий, чтобы все семьи в деревне имели равный доступ к природным ресурсам. Категория *«своих земель»* всегда «проницаема» для других таких же групп своего народа и даже

народов-соседей, когда последние испытывают какие-либо трудности в природопользовании на своей территории [17]. А для бедных людей земли соплеменников были открыты всегда. Вот что говорил в 1929 г. один из богатых оленеводов Ямала.

«Езенда рассказал, что раньше, «по-старому», каждый род имел свои определённые земли, границы между которыми не были жёсткими, менялись время от времени...

– А как же бедняк, где он тогда будет пасти своих оленей? – заинтересовался я.

– Везде, – ответил Езенда, – разве я могу запретить пасти и промышлять на моей земле. Я сильный, куда хочу, туда и пойду, а бедный идет туда, куда «терпят» его олени. Пусть бедные ходят везде, где пожелают» [8, с. 57].

3. Традиционные культуры – жизнь «внутри» экосистем

Коренное население Арктики до сих пор считает природу не окружающей средой с набором природных ресурсов, а членом своих социумов. Японский этнолог Х. Ватанабе назвал такое явление «системой социальной солидарности с природой». Подобное отношение базируется на понимании неразрывной связи и равноправного взаимодействия всех объектов природы, включая человека.

Культурные, биологические, а также психологические адаптации коренного населения являются частями единой системы, которая сохраняет и воспроизводит этническую самобытность на уровне индивида и человеческой популяции. Существуют, по меньшей мере, два пути такого воспроизводства:

- **генетический** (антропологические (биологические) и психологические специфические особенности и адаптивные механизмы);
- **негенетический** (культурные механизмы, духовные и психологические адаптации).

Оба пути объединены перекрестными связями, в число которых входят языки и диалекты коренных жителей. Прямые связи между биологическими и культурными механизмами адаптаций наиболее четко прослеживаются при изучении традиционного питания и обеспечивающих его технологий добычи (сбора), переработки, приготовления и хранения различных видов пищевой продукции. Всё это вместе с обычаями и ритуалами, связанными с традиционной диетой, составляет особый блок в национальных культурах народов Севера [9 и др.].

При всём своём большом разнообразии традиционные культуры Арктики и Севера в целом складывались и развивались по единым принципам, главные из них перечислены ниже.

(1) Создание стационарных и временных поселений на стыках полярных экосистем, то есть в местах с самыми высокими показателями биологического разнообразия и продуктивности, что позволяет коренным северянам добывать максимальное количество белковой пищи с минимумом энергетических затрат.

(2) Пространственный и сезонный динамизм антропогенных нагрузок на «свои» культурные ландшафты.

Форма реализации этого важнейшего механизма – образ жизни каждого полярного сообщества. В обобщенном виде можно выделить три главных стиля, или образа, жизни [4].

Кочевой образ жизни. Человеческие коллективы вместе с биоресурсами, дающими животный белок (домашние олени), перемещаются относительно биоресурсов, дающих первичную продукцию (пастбища). Таковы народы и субэтноты, ведущие крупностадное тундровое оленеводство, прежде всего, *тундровые ненцы и оленные чукчи*.

Оседлый образ жизни. Относительно человеческих коллективов перемещаются источники животного белка (магистральные сезонные миграции животных). Этот образ жизни ведут арктические охотники на морского зверя (*эскимосы-ютик и береговые чукчи*), рыболовы морских побережий и бассейнов крупных рек.

Смешанный образ жизни. Человеческие коллективы используют разнообразные ограничено мигрирующие виды животных в сочетании с оседлыми и далеко мигрирующими видами. Это образ жизни многих групп коренного населения.

(3) Разнообразие стратегий природопользования в соответствии с разнообразием осваиваемых ландшафтов, объёмом и характером используемых биоресурсов, дающих животный белок.

Широко расселенные народы имеют несколько стратегий природопользования с многообразием локальных вариантов (*ненцы, эвены, эвенки, чукчи*). Народы и популяции, занимающие небольшие регионы с однотипными природными условиями, используют одну стратегию, но также в локальных вариантах, формирующих локальные культуры (*нганасаны, азиатские эскимосы, энцы и др.*).

Народы-соседи, даже различающиеся по своему происхождению, могут иметь сходные, иногда практически одинаковые формы хозяйствования, но всегда стремятся найти свою экологическую нишу и поделить пространство с соседними народами.

(4) Высокая комплексность использования биоресурсов и максимальная утилизация полученной продукции.

Каждое северное сообщество всегда использует несколько природных ресурсов, сезонно чередуя и постоянно стремясь сохранить их достаточно высокое разнообразие. При значительном снижении запасов главных ресурсов коренное население переходит на вспомогательные источники пищи, либо временно или постоянно меняет территорию обитания. Комплексный характер природопользования до недавнего времени обязательно сочетался с максимально полной утилизацией всей полученной продукции.

(5) Традиционные (народные) знания.

Традиционные, или народные, знания коренного населения являются своеобразным шифром, ключом, который открывает путь к устойчивому взаимодействию с природой и неистощительному

использованию её возобновляемых ресурсов. Эти знания – особая, мало изученная часть наследия бесписьменных народов Севера; она дошла до наших дней с невосполними потерями, поскольку устный и наглядный способы передачи знаний практически исчезли к концу XX века. Судьба уникальных знаний сейчас напрямую зависит от понимания их ценности молодыми поколениями северян.

Следуя положениям Всемирного объединения по интеллектуальной собственности (ВОИС), *традиционные знания следует признать объектами неделимой коллективной интеллектуальной собственности каждого сообщества людей. Они предоставляют обширный свод материалов для научного понимания микроэволюционных процессов в экосистемах Севера.*

Традиционные знания позволили внести ряд положений в основные международные экологические документы (Конвенция о биологическом разнообразии, 1992; Нуукская декларация об окружающей среде и развитии в Арктике, 1993; Севильская стратегия для биосферных резерватов, 1995; Декларация ООН о правах коренных народов, 2007).

(6) Правила поведения в природе

Первое правило – *«Не брать у природы больше, чем нужно для выживания»* – коренные народы Севера выработали давно и буквально до последнего времени твердо следовали ему.

Второе правило – *«Немного людей на большой территории»* – коренные северяне соблюдали, основываясь на своем длительном опыте существования в экстремальных условиях с резкими, порой катастрофическими, изменениями запасов промысловых ресурсов или состояния пастбищ. Это правило обусловлено также замедленными процессами сукцессии (естественного воспроизводства ресурсов) в северных экосистемах с обедненным видовым составом биоты и её низкой продуктивностью.

Северные, особенно арктические, традиционные группы населения никогда не были многочисленными, но всегда стремились освоить обширные пространства. Например, по расчетам И.И. Крупника [13, с. 90], кочевые общины насчитывали в среднем 120–170 человек (от 60 до 300 человек) и состояли обычно из 5–12 стойбищ. Общее количество кочевых общин не превышало, по-видимому, 50–70 для *оленных чукчей* и 40–50 — для *ненцев и коми* Северного Зауралья, включая полуостров Ямал. Расчеты показывают, что средняя площадь территории кочевой общины в 100–200 человек была равна 3–8 тыс. км² в ареале ненецкого и 8–15 тыс. км² в ареале чукотского оленеводства.

4. Связь между культурным и биологическим разнообразием Арктики

Традиционные способы природопользования коренного населения являются устоявшимися, исторически сложившимися компонентами современных экосистем Арктики и всего Севера в целом. Они демонстрируют принципы долговременного, экологически сбалансированного освоения окружающей среды, основанного на

использовании возобновляемых ресурсов.

Следует отметить две важные особенности осуществления традиционного природопользования в полярных экосистемах.

(1) Все перемены, вносимые в свои культурные ландшафты, традиционные сообщества совершают постепенно, не превышая скорость биологических процессов, тем более процессов сукцессии экосистем.

(2) Коренное население стремится к тому, чтобы хозяйственная деятельность как можно меньше изменяла окружающую среду. *Так, принципиальным отличием культурных ландшафтов коренных народов от культурных ландшафтов других этносов становится их визуальное единство с окружающей природой, благодаря чему создаётся впечатление, что эти территории ещё не освоены, не тронуты человеком.*

В конце XX века специалисты осознали невозможность сохранения уровня биологического разнообразия только с помощью «правильных действий европейской науки». К этому времени уже было установлено, что биологическое разнообразие лучше всего сохраняется в границах культурных ландшафтов коренных народов Севера, и предложено включать такие ландшафты в региональные системы особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Первыми это сделали биологи Приморского края – они включили в проектируемую систему ООПТ своего региона новую категорию ООПТ – «этнические территории».

«3) система «этнических территорий», имеющих щадящий режим природопользования и обеспечивающих сохранение национальной культуры и уклада жизни у не имеющих собственной автономии малочисленных народов и народностей в местах их исторического проживания. <...>

Общая площадь «этнических территорий» равна 49.340 км², что составляет 29,7% территории края». [15, с. 11, 35].

О связи культурного и биологического разнообразия замечательно сказал известный этнограф В.М. Кулемзин [20, с. 450]:

«... речь идёт о двух типах культур народов Западной Сибири:

1. чулымских татар, селькупов и хантов, которые занимались ещё в недавнем прошлом охотой и рыболовством;
2. старожильческого русского населения, хозяйство которого основано, прежде всего, на земледелии и животноводстве.

Процесс взаимодействия этих культур, продолжающийся три столетия, был отмечен вторжением факторов, разрушительных для традиций коренных народов:

- массовой христианизацией, начавшейся в первой трети XVIII века,
- коллективизацией 30-х–40-х годов XX века,
- индустриализацией, вступившей в силу в 1960-х годах.

Такое вторжение всякий раз вводило в целостное развитие местной культурной системы

чуждую ей концепцию примата какого-то одного из составляющих её элементов: духовного – в период христианизации или, напротив, материального – в период советизации.

Анализ этнографических наблюдений позволяет понять, что разница между двумя указанными типами культур, прежде всего, обуславливается неодинаковым количеством внутренних ресурсов каждой из них, направленных на поддержание и воспроизводство целостной системы. Эти наблюдения хорошо иллюстрируются современными движениями в защиту природы, которые у коренных народов всегда неотделимы от требований духовного характера.

Всё это подводит нас к признанию довольно необычного факта: человек проявляет бережливое, щадящее отношение к природе только в рамках соответствующих традиций. Образно говоря, природу бережёт не человек, а традиция». (Выделено Л.Б.)

Итак, биологическое разнообразие может быть сохранено реально – «на местах» – только в контексте сохранения культурного разнообразия, прежде всего, локальных культур коренного населения. Активно используя биологические ресурсы, коренные народы создали эффективные способы поддержания высокого качества окружающей природной среды, благодаря чему смогли не только обеспечить свое устойчивое существование в течение столетий и даже тысячелетий, но и передать потомкам «свои» культурные ландшафты с такими же параметрами биологического разнообразия и продуктивности, которые использовали предшествующие поколения.

Система сохранения локальных культур и их ландшафтов, в конечном счёте, определяет силу и устойчивость каждой традиционной культуры и жизнеспособность её носителей. То же самое наблюдается в природе – чем большее число популяций имеет вид, тем более устойчиво его существование. ***Системные связи людей и природы, особенно локальных культур и промысловых популяций растений и животных, обеспечивают уровень культурного и биологического разнообразия, максимально возможный в данном участке биосферы.***

5. Технократическая цивилизация – жизнь «вне» экосистем и культур

Доминирующее постиндустриальное общество быстро утрачивает культуру поведения в природе, заменяя её суммой технологий освоения природных ресурсов. Неслучайно бесконечное реформирование *Министерства охраны природы СССР* превратило его в *Министерство природных ресурсов РФ*. В технократической цивилизации всё более превалирует потребительское (ресурсное и рекреационное) отношение к природе, определяемое в данный конкретный момент интересами группы лиц или даже отдельной личности.

Современное промышленное освоение Арктики происходит вахтовым методом в «ненормально короткие» сроки, не совместимые с адаптивными возможностями биоты и сообществ коренного населения. Оно превращает культурные ландшафты в «лунные пространства», восстановление которых естественным путем займёт тысячелетия.

Места добычи полезных ископаемых (ГОКи, шахты, нефтяные платформы и пр.) и обслуживающая их густая сеть линейных сооружений (дороги, трубопроводы, ЛЭПы) фрагментируют экосистемы, разбивая естественные границы живых сообществ и тем самым обрекая их на гибель. Отрицательный эффект крупных технических сооружений добывающие компании стремятся не рассматривать в целом, экосистемно. Обычно промышленные монстры дробятся на участки и участочки, в которых негативные эффекты можно свести к нулю, особенно если обмануть жителей на общественных слушаниях или вообще пренебречь их мнением. Хорошо известно, что любые нагрузки на природные системы, тем более промышленные, нужно рассматривать с позиций экологии и популяционной генетики, поскольку такие нагрузки способны изменить судьбу биоты [19].

Представители ускоренного освоения Арктики («техногенные люди», как называют их коренные жители), не задумываясь, переносят грязные технологии в отдалённые регионы страны и объявляют коренных северян, сопротивляющихся этому, варварами, тормозящими экономическое развитие своего края или даже всей России. Сейчас наша страна живёт в основном за счёт добычи полезных ископаемых в своих северных регионах, то есть за счёт уничтожения обширного участка ноосферы. Правительство планирует для России такой способ существования и в будущем, надеясь на продолжение потепления. Анализ нескольких прогнозных материалов о последствиях изменения климата не выявил даже следов заботы о коренном населении Арктики [3; и др.].

Помимо агрессивного современного промышленного наступления, «малочисленные этнические общности» Севера испытали и продолжают испытывать тяжелейшие последствия двух культурных разрывов между поколениями, которые также вызваны неграмотными действиями власти.

Первый культурный разрыв пришёлся на период 1940–1960-х гг., его символы – *начало ликвидации традиционной системы расселения и замена традиционной культуры воспитания интернатом. Эти меры разрушили общинные традиции и семейное воспитание*, то есть наиболее совершенные способы культурной преемственности.

Второй разрыв – повсеместное введение в 1990-е годы *рыночных отношений*, уничтожающих самые глубинные структуры духовной организации людей. Как известно, рынок сохраняет и развивает только то, что легко воспроизвести и продать, то есть материальные атрибуты и внешние признаки традиционных культур, которые можно имитировать. Уникальный менталитет, особые психологические качества и связанные с ними языки коренных народов не имеют рыночной цены, не могут быть проданы и, соответственно, не нужны доминирующему обществу.

«Рынок» оказывает поистине разрушительное действие на природную среду, физическое и психическое здоровье, менталитет и социальную организацию коренного населения высоких широт. Наиболее значительны системные утраты в культурах коренных народов Севера,

причём процессы культурной деградации далеко не всегда осознаются самими народами. Вот пример ненцев острова Колгуев.

«В духовно-культурной сфере с 1990-х гг. происходит спад, который, к сожалению, на острове продолжается и сейчас. Размылись понятия *община, старейшины*. Молодёжь не знает своей истории, не знает своих родовых корней, родовых угодий. Многие из них практически не были в тундре, а находятся все время в поселке или поблизости от него. Теряются навыки охоты, оленеводства. Молодые оленеводы не ездят на оленьих упряжках, а все время передвигаются по тундре на «Буранах». Оленеводы должны строго соблюдать правила выпаса оленей, но сейчас стада плохо контролируются, и многие группы оленей (отколы) разбросаны по всей тундре.

Выходит из оборота ненецкий язык. Мало кто из молодёжи знает его и тем более использует. Всё это типично и для всех северных поселков на Европейской части России. Основными, кого волнуют эти вопросы, являются пожилые люди» [7, с. 54].

Автор этих строк, П.М. Глазов, даже не подозревал, что ещё полвека назад на Колгуеве, помимо ненцев, жили поморы, метисная группа, чей облик сохранили редкие фотографии и картина художника Г. Семакова.

Поморы острова Колгуев. Г. Семаков, 1954 г. Холст, масло.
Фоторепродукция любезно предоставлена И.И. Мосеевым

Заключение

В настоящее время коренные жители Арктики находятся под двойной угрозой: первая – потепление климата, вторая – агрессивное воздействие доминирующего общества в его

современном технократическом и рыночном вариантах, вольно или невольно их внедряет приезжее население. Все коренные жители, опрошенные моими коллегами и мной, считают, что промышленное освоение, особенно в условиях неконтролируемых рыночных отношений и правовой вседозволенности добывающих компаний, намного страшнее потепления климата.

Необходимо помнить, что традиционные группы Арктики и всего Севера никогда не вступали в какие-либо правовые отношения с государством по поводу исторически принадлежащих им земель: они не продавали *свои земли*, как коренные жители Аляски, не получали за них денежных компенсаций и не поручали государству управлять ими. Советская власть просто объявила эти земли «государственной собственностью», что почему-то дало право современной власти распоряжаться ими по своему усмотрению. В настоящее время Россия остается единственным приарктическим государством, не до конца урегулировавшим законодательно свои отношения в области земле- и природопользования с коренными народами Севера. [4; 6].

В условиях лавинообразно нарастающего промышленного потенциала Севера у коренных жителей любыми способами отбирают принадлежащие им территории. При отсутствии правоприменительной практики даже положений Конституции РФ современные политические и экономические перемены, включая неадекватные управленческие решения и прямые техногенные нарушения природной среды, становятся для населения Арктики мощными культурными и социальными стрессорами. Во многих случаях они уничтожают отдельных людей (рост числа суицидов) и отрицательно влияют на здоровье и демографическую ситуацию в общинах и популяциях [11].

Коренные народы Севера не могут сохраниться как самостоятельные этносы вне своих традиционных культур. Ни один из этих народов не воспринял индустриальные способы хозяйствования. *Ненцы, селькупы, ханты, манси* Западной Сибири вымирают рядом с нефтегазовыми поселками, но не идут работать на буровые вышки и другие промышленные объекты. Сейчас коренные жители стремятся только к одному – не дать поглотить себя полностью, отстоять хотя бы основы своей этнической самобытности, языка и культурных традиций.

К этому нужно добавить, что в большинстве северных регионов до сих пор нет альтернативы экологически сбалансированным традиционным методам природопользования, которые соответствуют уровню биологического разнообразия и продуктивности локальных культурных ландшафтов. Именно их приоритетное развитие есть неперемное условие экологически безопасного состояния нашей Арктики. Лишь в этом случае можно оптимизировать этносоциальные и демографические процессы, ставя местное население в наиболее выгодные условия и тем самым снижая отрицательное влияние приезжих, несущих с собой «суммы технологий», а также экологические, социально-экономические и культурные стереотипы, крайне опасные для северных регионов.

Забота о сохранении коренного населения со стороны государства и понимание самими коренными жителями своей ответственности за будущие поколения есть наиболее эффективный способ сохранения и экосистем, и традиционных культур Российской Арктики.

Литература

1. *Алексеева Т.И., Волков-Дубровин В.П., Гудкова Л.К., Павловский О.М.* Физиологические особенности коренного населения Чукотки // На стыке Чукотки и Аляски. М.: Наука. 1983. С. 137–169.
2. *Арутюнов С.А.* Введение // Мир арктических зверобоев: шаги в непознанное. М.–Анадырь: Музей Востока, 2007. С. 10–13.
3. *Батурова Г., Коновалов А.* 2012. Тепло идет на Север // Морские вести России. №
4. *Богословская Л.С.* Особенности традиционного природопользования народов Российского Севера // Проблемы традиционного природопользования. Север, Сибирь, Дальний Восток Российской Федерации. Аналитические материалы. Правовые акты. М.: Изд. Государственной Думы. 2000. С. 14–20.
5. *Богословская Л.С., Голбцева В.В., Шаларёв А.А.* Судьба традиционных морских культур Российской Арктики // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России. Мат. Первой межд. научно-практ. конф. (СПб, 27–30.10.2010). Калининград: Терра Балтика. 2010. С. 348–357.
6. *Богословская Л.С., Павлов П.Н.* 1999. Коренное население Российского Севера и современное законодательство в области природопользования и охраны окружающей среды // Человек и право. М.: ИЭА РАН, С. 69–74.
7. *Глазов П.М.* Остров Колгуев // Отчёт для проекта МОО «Центр содействия коренным малочисленным народам Севера» – Indigenous Monitoring and Education on Climate Change: from Grassroots Measures to State Adaptation Plan. 2012. Рукопись. 57с.
8. *Евладов В.П.* По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1992. 280 с.
9. *Козлов А.И.* Питание морских зверобоев Чукотки: традиции и современность // Тропой Богораза. Научные и литературные материалы. М.: Институт Наследия–ГЕОС. 2008. С. 180–194.
10. *Козлов А.И., Вершубская Г.Г.* Медицинская антропология коренного населения Севера России. М.: изд-во МНЭПУ, 1999. 288 с.
11. *Козлов А.И., Вершубская Г.Г., Козлова М.А., Шмитт Л.* Модернизационный стресс у коренного населения Западной Сибири. М.: АрктАн-С. 2002. Препринт. 27 с.
12. Кольские саамы в меняющемся мире / Козлов А.И., Лисицын Д.В., Козлова М.А. ред./ М.; Институт Наследия, 2008. 96 с.
13. *Крупник И.И.* Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.
14. Российская Арктика: на пороге катастрофы / Яблоков А.В., Калякин В.Н., Вильчек Г.Е. ред./ М.: ЦЭПР, 1996. 207 с.

15. Система охраняемых природных территорий в экологической программе Приморского края. Основные положения и методические подходы / Лер П.А., Лебедев Б.И. ред./ Владивосток: Биолого-почвенный ин-т ДВОАН СССР, 1989. Препринт. 40 с.
16. *Спиридонов В.А., Богословская Л.С., Супруненко Ю.С.* Морские и приморские культурные ландшафты Беломорья и Чукотки как компоненты природно-культурного морского наследия России // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России. Мат. Первой межд. научно-практ. конф. (СПб, 27–30.10.2010). Калининград: Терра Балтика. 2010. С. 442–453.
17. Стойбище Сопочиных. О чём думают в общине «Ханто». (Мысли вслух). Сургут: ИИЦ Сургутского гос. университета. 1998. 14 + 2 с.
18. *Тарагунта Л.* Интервью о смысле жизни. Аудиозапись. Л.С. Богословской. 1994.
19. Экология и природопользование. К методологии программ экологических исследований Академии наук СССР. Кишинев: Ин-т экологической генетики АН МССР, 1989. Препринт. 46 с.
20. *Koulemzine V.M.* Traditions culturelles et environnement // Cultures & sociétés. Sibérie II. Paris: Institut d'Études Slaves, 1999. Pp. 447–450.
21. *Krogh A., Krogh M.* A study of the diet and metabolism of eskimos undertaken in 1908 in an expedition to Greenland // Medd. Grønland. 1914. Bd. LI.